

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева кандидат юридических наук

Сергей Александрович ХАЛАТОВ

ЗЛОУПОТРЕБЛЯТЬ ПРОЦЕССОМ МОЖЕТ И ЗАКОНОДАТЕЛЬ — ОН УСТРАИВАЕТ ПРОЦЕСС ТАМ, ГДЕ ЕГО БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

Преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, практикующий юрист, специалист по гражданскому, арбитражному процессу и исполнительному производству.

Автор телеграм-канала «Злоупотребление процессуальными правами» (<https://t.me/abuseincourt>)

— Как можно охарактеризовать институт злоупотребления процессуальными правами? Есть ли какие-то особенности в определении процессуального злоупотребления по сравнению, например, со злоупотреблением гражданскими правами?

— Институт злоупотребления правом существует давно и, конечно, будет существовать. Подъем интереса к нему в последнее время вызван более детальным описанием в законе, в ГК РФ. А в общем-то, институт злоупотребления правами имеет общеправовой характер, хотя в каждой отрасли права есть некоторая специфика, в основном касающаяся последствий. Само по себе злоупотребление, на мой взгляд, это использование права не в соответствии с его назначением. В науке можно найти разные определения, подходы, есть своя специфика понятия в процессуальном праве, но это не значит, что речь идет о каком-то совершенно

особом институте. Злоупотребление процессуальным правом — это публично-правовой деликт, что отличает его, например, от злоупотребления частным правом. В уголовном праве есть несколько составов, предметом которых является злоупотребление. В административном праве существует обширная теория, регулирование и практика, связанная с этим явлением. В отношении процесса я бы выделил еще более широкое понятие — злоупотребление процессом в целом. Таким образом, да, определенные различия между институтами злоупотреблений в разных отраслях права существуют, но они несущественны.

Я, когда думал на тему злоупотребления применительно к процессу, придумал для себя такой образ: наша жизнь — это чистая вода, материальное право — это питательное молоко, как только что-то идет не так в молоке, оно начинает скисать, образуются разные производные, полезные и неполезные продукты. Неполезные — это споры. Судебный процесс без таких «молочнокислых бактерий» начаться не может, правосудие должно иметь под собой какую-то важную неопределенность. И в случае если все правильно сделано, образуется сыр — процессуальное право. А институт злоупотребления — это тонкий слой благородной плесени на этом сыре. Одной плесенью питаться невозможно, но она добавляет некоторую пикантность вкусу. И в целом введение этого института делает процессуальное право более «благородным», как сыр.

— Нужно ли в процессуальные кодексы ввести понятие «злоупотребление правом»? Можно ли по аналогии применять термин гражданского права?

— Конечно, мы можем применять имеющееся понятие «злоупотребление» по аналогии в рамках процессуальных отношений. Возьмем, например, судебную практику по уголовным делам, где раскрывается, что такое злоупотребление полномочиями. В частности, под ним имеют в виду использование предоставленных прав и имеющихся обязанностей вопреки интересам той организации, в которой работает обвиняемый. Таким образом, дается состав и раскрывается, что такое злоупотребление. Нужно ли вносить в процессуальные кодексы всякий раз определение какого бы то ни было понятия?

Я не вижу в этом необходимости. Что поменяется? Судьи смогут прочитать и стороны смогут на вопрос, что такое злоупотребление, указать на норму ГПК или АПК? Я больше уповаю на доктрину, учебники, которые неплохо было бы читать и судьям. В учебниках есть много того, чего нет в кодексах, а в кодексах есть много того, чего там не должно быть. Мы можем скатиться к бесконечной дискуссии, является ли злоупотребление выходом за пределы осуществления прав или это просто несоответствие целевому назначению права, будем защищать диссертации, круглые столы собирать, но легальное определение в позитивном праве вряд ли внесет требуемую ясность.

— Как различать неисполнение обязанности и злоупотребление?

— Хочется начать издали, с правоприменительной практики. Я замечал, так как я практикующий юрист, и мои студенты подтверждают, и судьи говорят, что сейчас редкое дело, особенно в арбитражных судах, обходится без ссылки той или иной стороны на злоупотребление правами. Под этим понимается все что угодно. И надо отметить, что не всегда злоупотребление в действительности есть. Судья часто принимает за злоупотребление все, что ему не нравится, он чувствует, что поведение стороны неправильно, но сформулировать обоснование не может. Подобное впечатление обычно складывается, когда мы видим, что вроде сторона поступает так, как написано в законе, по форме правильно, а по существу получается издевательство. И это чувство приводит судей к тому, чтобы сказать, что в таком случае имеет место злоупотребление. А зачастую его там нет. При неисполнении обязанностей речи о злоупотреблении вообще не идет. Если есть неисполнение обязанности — это само по себе правонарушение. В подобном случае нет необходимости использовать такую категорию, как злоупотребление правом. Должны наступать последствия в связи с неисполнением обязанности. Злоупотребление правом — более тонкая категория. Правда, специалисты, которые закалились в легизме, не могут определить злоупотребление правом, потому что для них любое использование возможности, которое правом предоставлено, — это в чистом виде произвол субъекта права, т.е. субъект может делать все что угодно

в пределах предоставленных законом прав. Мне эта позиция не очень близка.

— Вы упомянули о злоупотреблении процессом. Что понимается под этим?

— Следует ответить на вопрос: зачем вообще нам процессуальные права? Чтобы участвовать в судопроизводстве, в процессе. А для чего нам участвовать в процессе? Это необходимо, чтобы удовлетворять некоторые свои интересы, получать какие-то блага, не обязательно имущественные, а любые. Интерес в правосудии и является основой для предоставления процессуальных прав. Это не частный интерес. Да, при помощи правосудия мы нередко защищаем частный интерес, но одни и те же механизмы правосудия созданы для защиты как частного, так и публичного интереса, поэтому сводить все правосудие к частному интересу не получится. Эти механизмы и процессуальные права нам даются для того, чтобы мы могли участвовать в суде, который вершит правосудие посредством рассмотрения дел. Обратите внимание, именно дел, не всегда споров, и интерес в делах не всегда имущественный, иногда он состоит даже в том, чтобы право просто приобрело определенность. Есть вызывное, восстановительные производства, в них спора быть не может вовсе. Если сделаем еще шаг назад и будем говорить о злоупотреблении процессом вообще, то увидим, что иногда у нас есть процесс, но нет правосудия. По моему убеждению, большинство дел, рассматриваемых судами, не имеют ничего общего с правосудием, и не с точки зрения предоставления процессуальных прав, а с точки зрения существа самого дела. Например, приказное производство к правосудию не имеет никакого отношения. Там нет спора, нет неопределенности в фактах, сложной правовой квалификации, а суд выполняет механическую роль, которую может выполнить простейшая машина. Мне близка точка зрения, что приказное производство по взысканиям платежей за коммунальные услуги, платежей в пользу кредитных организаций надо отдать нотариусам, так как установление бесспорного факта — это компетенция нотариуса. Надо освободить суды от механической работы. Мы знаем, что фактически ее делают помощники, а судьи просто ставят подпись. У судей даже не должно быть мысли, что можно просто поставить подпись, так вырабатывается плохая привычка. Еще один

пласт дел, имеющих признаки злоупотребления процессом, — взыскание с граждан задолженности по уплате налогов. Большинство дел по КАС РФ, согласно статистике, — это взыскание недоимок. И судьи, не вдумываясь, выносят судебные приказы по подобным делам. А зачем? Потому что считается, что с граждан невозможно взыскать налоги по решению налогового органа, без суда. Полагаю, что данный подход надо менять в сторону последующего судебного контроля. По сути, в этом случае можно говорить о злоупотреблении процессом со стороны законодателя, который отдал полномочия по рассмотрению таких дел судьям. Мне кажется, судей надо освободить для более сложных дел с неопределенным фактическим составом. Таким образом, злоупотреблять процессом может и законодатель — он устраивает процесс там, где его быть не должно.

— Суд может злоупотреблять процессуальным правом?

— Я считаю, что у судей нет прав отдельно от обязанностей. Судьи имеют полномочия, которые представляют собой правообязанности, право по отношению к одним лицам является обязанностью по отношению к другим или другому — в норме к обществу. И в данном случае категория злоупотребления правами будет излишней в отношении судей. Для них достаточно говорить, что они не исполняют свои обязанности надлежащим образом. И если за это предусмотрена ответственность или это нужно как-то исправлять, то в нашем правовом порядке есть способы такого исправления: исправление судебной ошибки в обычном порядке, привлечение к ответственности судей, процессуальные жалобы. То есть система работает.

В то же время суд должен быть активным участником борьбы с процессуальными злоупотреблениями. Он должен им противодействовать вне зависимости от того, что по этому поводу думают стороны. Суд в этом случае выступает в роли и суда, и следователя, и представителя потерпевшего.

— Есть ли дела, в которых признаются злоупотребления со стороны публичных органов? Они могут быть субъектами злоупотреблений?

— Да, они могут быть субъектами злоупотреблений. Но в моей практике такого не было. Судьи часто де-

лают замечания в случаях выявления, по их мнению, недобросовестного поведения со стороны государственных органов. Не вижу никакой разницы между тем, злоупотребляет ли процессуальными правами государственный орган или частное лицо. В процессе у нас всего один властный субъект — суд, остальные субъекты подвластные. Да, судьи в процессе делают замечания о недобросовестном поведении представителям государственных органов, когда, например, они придерживаются доказательств, но, по сути, здесь речь не о злоупотреблении, а об обязанности доказывания, о заблаговременном раскрытии доказательств.

— По каким критериям можно понять, что сторона злоупотребляет правом, а не использует правомерные средства для защиты своих интересов в ходе доказывания позиции?

— Давайте обсудим это на примере популярной ныне темы лжи в суде. Большая проблема состоит в том, что по общему правилу предполагается, что стороны всегда врут. Отсюда соответствующее отношение судов, которые не верят на слово и просят представить дополнительные объективные доказательства. И такая ситуация не только у нас. Есть американский анекдот: «Как определить, что адвокат врёт? — У него губы шевелятся». Когда мы говорим, что судьи не верят сторонам, мы упускаем из виду то, что в разных делах судьи ведут себя по-разному, ведь есть дела, где личные доказательства от участников являются незаменимыми и не подтверждаемыми, это, например, многие семейные споры. Интересно, что судебные акты по семейным спорам не публикуются. Это мы можем заметить по малому количеству соответствующих обзоров практикующих юристов. И мы не видим, как суды по таким делам приходят к выводам. Нет ничего неожиданного в том, что судьи устанавливают факты на основании того, что им сообщили стороны, судьи чаще всего способны понять, когда им врут, а когда говорят правду. В действительности это не является уникальной ситуацией, характерной только для семейных споров. Получение иных доказательств, кроме свидетельских показаний, например, в рамках уголовных дел даже не всегда возможно. И раньше, до разделения на гражданские и уголовные коллегии, были судьи, которые рассматривали и гражданские, и уголовные дела,

и вынесение решений на основе только свидетельских показаний и объяснений было для них обычным делом. Такие судьи есть и сейчас — мировые.

— То есть мы должны исходить из того, что нам говорят правду, а на практике получается наоборот?

— Да, можно так сказать. К примеру, комментарий к ГПК 1964 года¹ содержал положение о том, что одно лишь объяснение не может быть в основе решения, если оно не подтверждается иными доказательствами. И это положение до сих пор сохраняется в головах судей. Но на практике ему не всегда следуют, что, однако, не так уж и хорошо, потому что теряется предсказуемость действия нормы. Я бы считал, что если какое-то лицо сообщает о наличии какого-то факта, очевидцем которого оно было, то мы должны исходить из того, что оно говорит правду.

— Как переломить ситуацию с таким восприятием доказательств со стороны судей? Закрепить презумпцию достоверности показаний свидетеля?

— Решить проблему внесением изменений в процессуальный кодекс в части фиксации презумпции достоверности невозможно. Первый вопрос, который возникает, — для кого мы вводим такую презумпцию? Для судей? Но многие судьи считают, что нормального гражданского оборота нет, а все друг друга обманывают, просто не все доходят до суда, у них искаженная в целом картина мира. Когда мы вводим презумпцию, мы должны объяснить причину ее введения. Наиболее распространенная точка зрения — презумпция появляется как реакция на обычное положение дел. В течение длительного времени сохраняется определенное поведение, действия совершаются с большей степенью вероятности, тогда мы говорим, что необходимо презюмировать такое поведение, а обратное нужно доказывать. Для введения презумпции достоверности показаний нам надо будет объяснить

¹ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, В.К. Лучинского. М., 1965. С. 93. Комментарий к ст. 60 написан П.П. Гуреевым: «Решение по делу не может быть основано только на объяснениях одной стороны, не подкрепленных другими доказательствами. См., например, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 12, стр. 3».

судьям, что на самом деле люди чаще говорят правду, но сейчас судьи так не считают. Особенно в арбитражном суде, где чаще имеют дело не с очевидцами событий, а с представителями стороны, к тому же юридического лица. Поэтому в арбитражном суде, где с личностями сталкиваются реже, мнение, что все врут, мне кажется, преобладает. Еще одна причина сложности изменения существующего отношения в том, что арбитражный процесс в значительной степени письменный, поэтому судьи на любой чих требуют бумажку. Но ситуация в течение последних 10 лет меняется, начался процесс учета показаний с рассмотрения налоговых дел, затем банкротных. Увеличилось количество свидетелей в арбитражном процессе, суды стали исследовать, например по делам о привлечении к субсидиарной ответственности, особенности поведения людей, разумность их действий. Постепенно мы придем к тому, что признаем, что люди в большинстве своем хорошие и правдивые. Можно уже сейчас взять на вооружение презумпцию добросовестности, закрепленную в ГК РФ.

— Сама подача иска тоже может быть злоупотреблением, но никаких возможностей суда бороться с этим на этапе подачи иска не предусмотрено?

— Существует несколько подходов по данному вопросу. Первый — если лицо злоупотребляет правом на обращение в суд, то надо отказывать в удовлетворении иска. Это не отказ в доступе к суду, в рамках такого подхода считается, что надо допустить заявителя к суду и отказать в удовлетворении иска. Второй подход — вообще не допускать к суду. Третий подход — нельзя не допускать в суд, нельзя лишать материального права, а нужно применять иные формы ответственности за злоупотребление процессом. Я полагаю, что в нашей действительности только третья форма имеет право на существование, т.е. мы в любом случае допускаем субъекта к суду, рассматриваем его требования, принимаем соответствующее решение, а после этого решаем вопрос, было ли само по себе обращение в суд с соответствующим требованием злоупотреблением. В этом смысле я считаю, что норма частного права (ст. 10 ГК РФ), устанавливающая, что право, которым злоупотребили, не подлежит защите, в нашем случае неприменима. Право на обращение в суд — право не частное. Думаю, что нельзя не допускать в суд, и мне близка

позиция КС РФ, который относится к правосудию как к некоей ценности, которая помимо того, что сама является конституционным правом, еще и обеспечивает защиту всех иных конституционных прав. Я это перефразирую так, что право на доступ к суду слишком ценно, чтобы его лишать. Мы можем совершить ошибку, допустив до суда того, кого не надо было допускать, и наоборот. Так вот ошибка в доступе к правосудию, когда мы не допускаем того, кого надо бы допустить, страшнее, чем когда мы допускаем того, кого не надо было бы. Этот подход, конечно, влечет социально-экономические последствия — увеличение совокупных расходов на правосудие и отвлечение от нормальных дел участников процесса. У нас возможна ситуация, когда процессом злоупотребляют обе стороны. Например, симуляция процесса, если стороны идут в суд, потому что бухгалтер сказал, что нужно судебное решение. Но мы должны бояться с водой выплеснуть ребенка, поэтому в любом случае допускаем лицо до суда при формальном соблюдении требований. Наш законодатель обоснованно исходит из того, что мы принимаем последствия ложноположительных решений в доступе к суду. Хотя надо думать, как можно нивелировать эти последствия. Мне кажется, сейчас у нас есть только один способ — возложение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами.

— Может ли стать эффективным инструментом борьбы с таким злоупотреблением компенсация за потраченное время?

— Да, этот инструмент работает. Но взыскивают очень небольшие суммы, и в основном эту меру применяют суды общей юрисдикции, а арбитражные не хотят применять ее по аналогии, потому что, по их мнению, суд — это обычное дело, а не отвлечение от занятий. Хотя бизнес создается не для того, чтобы по судам ходить. И эта норма ГПК РФ может стать прекрасным способом борьбы со злоупотреблениями. Например, гражданин изводил исками «Почту России», и ее представители подали заявление о возмещении расходов, причиненных отвлечением от обычных занятий, а суд взыскал сумму, которую расчетным способом предъявил юрист «Почты России», исходя из потраченного времени и зарплаты. По крайней мере, такой подход охладит пыл тех, кто по любому поводу готов бежать в суд. Почему судьи не рассматривают эти заявления? Во-первых, мало кто предъявляет подобные

требования. Во-вторых, арбитражные суды не применяют по аналогии нормы ГПК РФ, поскольку долго считалось, что процессуальное законодательство беспробельное и не может быть аналогии. Кроме того, существует несоответствие между взыскиваемыми суммами и высокой вероятностью отмены судебных актов с обоснованием взыскания компенсации — оличка выделки не стоит.

— Если это публичный деликт, достаточен ли предусмотренный сейчас диапазон мер воздействия на нарушителя: компенсация судебных расходов и отказ в совершении процессуальных действий?

— Конечно, чтобы применять меры ответственности, прежде надо установить, было ли злоупотребление. Есть примеры, когда многократное изменение в правовой позиции приводило к отказу в удовлетворении иска, но злоупотреблением такие действия не считались. Например, в одном деле сторона представила доказательство, другая сторона заявила о фальсификации доказательства, но в очередном судебном заседании сама использовала это же доказательство в целях обоснования совершенно иной правовой позиции. Суд решил, что поведение стороны свидетельствует о том, что обстоятельство, очевидно, было, а значит, иск следует удовлетворить. Это не ответственность за злоупотребление правом на изменение обоснования правовой позиции, а принятие судом решения исходя из оценки действий стороны как не вызывающих доверие. Суд должен иметь возможность оценивать манеру поведения стороны. Как я уже говорил ранее, не допускать к суду невозможно, отказывать в защите материального права невозможно, поэтому остается третий подход — компенсация судебных расходов в качестве ответственности за процессуальные злоупотребления. Как ни удивительно, судьи говорят, что если гражданам в судебном заседании объяснить, что за злоупотребление процессуальными правами они будут претерпевать определенные негативные последствия, то количество и интенсивность злоупотреблений снижается, т.е. это предупреждение звучит убедительно. Как противодействовать злоупотреблениям? Вести разъяснительную работу и не допускать достижения цели, ради которой происходят злоупотребления. Например, отказывать в удовлетворении ходатайства при его многократном заявлении. В части

перераспределения судебных расходов возникает вопрос, можем ли мы установить ответственность без жесткой фиксации состава правонарушения в позитивном праве. Мне кажется, что в отношении злоупотребления это возможно. При этом, считаю, надо менять подход к применению ответственности и использовать ее не только тогда, когда действия стороны привели к наступлению последствий в виде отложения судебного заседания. Ведь если буквально толковать закон, отложение является обязательным последствием при злоупотреблении, которое дает возможность применить меру ответственности в виде перераспределения судебных расходов.

— Нужна ли дифференциация мер ответственности в случае отложения разбирательства в результате допущенного злоупотребления и в случае, когда отложения не потребовалось? Например, ввести штраф.

— Штраф, на мой взгляд, малоэффективный способ борьбы с процессуальными злоупотреблениями. Особенно в том виде, в каком он существует сейчас. Лучше ввести фикцию признания молчанием: применение по аналогии в арбитражном процессе норм ГПК РФ об экспертизе: не явился, не представил документы в экспертизу, значит, установлено обстоятельство, свидетельствующее против твоей позиции. Штраф не всегда бьет по тому, кто злоупотребляет. Не всегда понятен субъект ответственности. Кого будем штрафовать: представителя или представляемого? У нас судебные штрафы смешные по размеру. Если вы не представляете документы в антимонопольную службу, то может быть применен оборотный штраф, а если суду — 5000 рублей. Чем взыскивать штраф в пользу государства, лучше компенсировать ущерб другой стороне в форме судебных расходов. Штраф плох и по порядку наложения, и по способу его обжалования. Это длительная процедура. Система судебных штрафов ждет своей реформы.

— В рамках групповых исков либо когда несколько лиц на стороне истца или ответчика, а злоупотребляет кто-то один, как применять меры ответственности за злоупотребление процессуальными правами?

— В групповых исках предусмотрена фигура ведущего истца, у которого может быть представи-

тель. И возникает множество вопросов. Например, можем ли мы наказывать представителя? На мой взгляд, можем и должны. Любый представитель выполняет публичную обязанность — обеспечивает реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. К счастью, мы не можем обязать сторону по большинству дел обращаться к квалифицированному юристу, но лицо, которое идет в суд в интересах другого, выполняет функцию обеспечения доступа к правосудию. И если уж человек добровольно возложил на себя такую обязанность, то он и должен нести ответственность за то, что он что-то неправильно делает. Если представитель ругается в процессе, то он не может сказать, что это не он ругается. Представитель обладает собственной волей. Если есть представитель у ведущего истца в групповом иске и злоупотребление совершается этим представителем по своей воле, то ответственность несет именно представитель. Если ведущий истец совершает правонарушение, например при заключении мирового соглашения, то ответственность будет нести лицо, которое ведет процесс. Если участник группы злоупотребляет процессуальными правами, например заваливает суд ходатайствами, жалобами либо отвлекает участников процесса в какой-нибудь форме, то должно нести ответственность это лицо. Я полагаю, что ответственность здесь персонифицированная.

— В таком случае все судебные расходы можно отнести на такое лицо?

— Да. Вот пример из практики Арбитражного суда Уральского округа. Есть такой способ злоупотребления в арбитражном процессе, используемый серийными истцами, например энергоснабжающими организациями. Они обращаются в суд, заявляют небольшое требование, уплачивают маленькую государственную пошлину, а потом в первом заседании увеличивают размер требований. Практика выработала следующий подход: суд рассматривает дело, не откладывая его до момента полной оплаты пошлины, а в результате рассмотрения распределяет расходы по ее оплате. Целью этого подхода было ускорить процедуру судебного рассмотрения. Таким образом, сторона получала несанкционированную отсрочку по уплате государственной пошлины. И когда количество подобных дел стало достаточно

большим, судебная практика пошла по пути взыскания государственной пошлины с истца независимо от исхода дела. В результате истец не только терял экономический смысл использования такого процессуального злоупотребления, но и претерпевал достаточно существенные имущественные потери. И данная практика прекратилась. Если судьи не будут лениться и на серийных истцах будут выявлять определенные способы злоупотреблений, то смогут найти соответствующие способы противодействия.

— Есть ли отличия в мерах ответственности за злоупотребление процессуальными правами в других юрисдикциях?

— В некоторых юрисдикциях устанавливают ответственность адвоката или отказывают в удовлетворении иска. Возможность применения столь серьезных последствий в отношении злоупотреблений, на мой взгляд, связана с уровнем доверия к суду. Если вы доверяете судье в его намерении осуществить правосудие, а не написать судебный акт, который потом нельзя было бы отменить, то вы будете в большей степени содействовать такому судье. У нас к судьям доверие низкое. В частности, мешает формированию доверия обилие судебной практики. При всем стремлении к ее единообразию мы наплодили огромное количество противоречивых позиций, и вы никогда не знаете, чем будет руководствоваться конкретный судья при принятии решения: нормой закона, постановлением ВАС РФ, ВС РФ или КС РФ. И суд, выдергивая позицию из накопленного объема практики, применяет в конкретном деле какую-то норму. Возникает вопрос: почему именно эту, а не другую? Из наших судебных актов очень часто это сложно понять. Например, если взять правовые позиции высших судебных органов по судебным расходам, то можно найти огромное количество противоречащих друг другу неотмененных решений. Эта ситуация не способствует росту доверия к суду. Еще одна проблема заключается в том, что судья сначала пишет резолютивную часть, а потом под нее подгоняется мотивировка, что приводит к ошибкам при вынесении решения. Доверие надо заслужить. Есть, конечно, такие судьи, которым юристы доверяют. Но без повышения доверия к судьям в целом проблему с процессуальными злоупотреблениями не решить — слишком уж она тонкая и сложная. ¹⁰